

На правах рукописи

Гусев Валентин Юрьевич

**ТИПОЛОГИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ
ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ИМПЕРАТИВА**

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

*Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

Москва
2005

Работа выполнена в Отделе африканских языков Института языкознания РАН

Научный руководитель	доктор филологических наук В. А. Плуноян
Официальные оппоненты	доктор филологических наук, профессор В. С. Храковский доктор филологических наук И. А. Муравьева
Ведущая организация	Институт востоковедения РАН

Защита диссертации состоится 21 июня 2005 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.198.08 при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РГГУ

Автореферат разослан ____ мая 2005 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

 М. Б. Рукодельникова

Общая характеристика диссертации

Настоящая работа представляет собой анализ морфологических и синтаксических особенностей форм и конструкций со значением императива.

Актуальность исследования. Императив привлекал к себе внимание исследователей достаточно давно (первая из известных нам работ, посвященных описанию употребления императивных форм в конкретном (немецком) языке, появилась еще в 1820 году). Как и следовало ожидать, в первую очередь эти работы были посвящены крупным европейским языкам. При этом, поскольку формально императив в европейских языках устроен достаточно просто, все внимание уделялось описанию его употребления, попыткам эксплицировать его семантику.

При этом, по-видимому, наиболее интригующей проблемой оказывалось не употребление императивных форм для выражения повеления, но возможность употребления тех же самых форм в значениях, никак — по крайней мере, на первый взгляд, — не связанных с приказами, просьбами и т. д. Такое употребление, с одной стороны, характерно для многих европейских языков, а с другой — резко выделяет императив на фоне прочих глагольных форм в тех же языках; для последних, разумеется, также свойственна полисемия, но в большей степени остающаяся внутри круга интуитивно близких значений. Императив же склонен к совершенно «неожиданным» и не связанным с его основной семантикой употреблениям, которые можно проиллюстрировать уже на русских примерах: *А он возьми и скажи; Приди он пораньше, может, все бы и обошлось; Все ушли, а я дома сиди* и др. Поэтому многие из указанных выше и других работ значительную часть места уделяли попыткам объяснить подобную «странную» полисемию, а некоторые были фактически целиком посвящены ей.

Наряду с обсуждением теоретических проблем императив, разумеется, занимает положенное ему место в грамматиках конкретных языков, равно как и руководствах по общей лингвистике, общему синтаксису и т. д. Отдельное направление исследований представляют работы в рамках теории речевых актов.

Началом собственно типологического исследования императивных форм — т. е. исследования форм со сходной семантикой в большом количестве языков на основании одних и тех же принципов — стала монография [Храковский, Володин 1986]¹, на результаты которой мы в первую очередь опираемся здесь. В течение следующих нескольких лет был опубликован сборник статей, посвященных как теоретическому анализу, так и описанию повелительных предложений в разных языках [Бирюлин, Храковский 1990 (ред.)]², а потом — коллективная монография [Храковский 1992 (ред.)]³, описывающая по единой схеме образование и употребление императивных конструкций в 23 языках. Исследование типологии императива значительно оживилось в последнее время; список работ последних лет приводится во Введении к диссертации.

В то же время многие аспекты типологии императивных форм и конструкций до сих пор остаются вне внимания исследователей. Это, например, такие явления, как своеобразная иерархия агентивности в императиве (раздел 2.9 диссертации), нерегулярные и супплетивные императивы (раздел 2.5), особые императивные местоимения 2P1 (пункт 3.1.6), совпадение числовых форм в 3-м лице (пункт 3.3.3) и другие.

Объект изучения настоящей работы — особенности императивных форм и конструкций на материале выборки из более, чем 200 языков. В каждом языке мы отбирали только те явления, которые свойственны именно императивным

¹ Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука, 1986.

² Бирюлин Л. А., Храковский В. С. (ред.). Функционально-типологические аспекты анализа императива. М., 1990.

³ Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992.

конструкциям и отличают их от форм и конструкций, выражающих другие глагольные категории.

Целью исследования является описание явлений, свойственных формам и конструкциям со значением императива с указанием, по возможности, их частотности в языках мира. Там, где это было возможно, мы старались также предложить функциональное объяснение этих явлений; однако мы полагаем, что даже если такого объяснения нам дать не удалось или оно впоследствии будет признано неверным, само по себе описание соответствующего явления представляет самостоятельную ценность.

Научная новизна. В настоящей работе впервые предпринято описание всех особенностей императивных конструкций на материале более 200 языков. Подробно рассматриваются такие темы, как типология нерегулярных и супплетивных форм императива (раздел 2.5), взаимоотношения повелительности и иерархии агентивности (раздел 2.9), особенности образования отдельных личностных форм императива (глава III)⁴. Впервые описываются такие семантические подтипы императива, как императивы движения (пункт 1.3.6), антериорные императивы (1.3.8), пропозитивные императивы (1.3.15). Также описывается употребление императива в значении предположения (1.1.6). В главе V предлагается попытка объяснения некоторых непрямых употреблений императива — в значении опатива, намерения, долженствования / возможности и в придаточных предложениях цели.

Теоретическая значимость. Широкая выборка языков позволила выявить некоторые не отмечавшиеся раньше особенности форм императива и оценить их частотность. Привлечение императивного материала также дает возможность по-новому взглянуть на некоторые уже известные явления, рассматривавшиеся ранее только на материале индикативных форм — в частности, на иерархию агентивности.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в полевой работе, при составлении компьютерных баз данных по языкам мира, а также при подготовке учебных лингвистических курсов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. В первой главе рассматриваются вопросы семантики императива. Вторая глава посвящена характерным особенностям морфологии и синтаксиса императивных форм и конструкций. В третьей главе рассматриваются морфологические и синтаксические явления, характерные не для императива в целом, а для отдельных лично числовых форм. Четвертая глава посвящена типологии императивных парадигм. Пятая глава посвящена четырем типам непрямых употреблений императива.

Содержание работы

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ рассматриваются вопросы семантики императива. Задача этой главы — дать определение императива, которое, с одной стороны, ограничило бы круг рассматриваемых проблем; с другой — дало бы возможность объяснить те или иные явления, характерные для императива, с точки зрения императивной семантики.

В первом разделе вводятся основные понятия, необходимые для обсуждения императивной семантики.

1. Прежде всего, формулируется определение (толкование) императива: императивным мы называем такое высказывание, в котором говорящий, самим фактом своего высказывания, пытается каузировать совершение эксплицитно

⁴ Некоторые из этих явлений упоминаются в обзоре А. Ю. Айхенвальд, помещенном в 2003 г. в интернете по адресу http://www.latrobe.edu.au/rcld/Typology_workshops/typologyworkshop.html.

указанного в этом высказывании действия. Эта формулировка является рабочим определением, с помощью которого можно определить круг императивных высказываний и отграничить от некоторых других, схожих по семантике (в частности, со значением опататива или долженствования).

В соответствии с распространенной точкой зрения, необходимым условием успешности императивного высказывания является контроль говорящего над искомым действием; причем этот контроль состоит из двух частей: во-первых, говорящий должен контролировать исполнителя действия (т. е. исполнитель, в силу тех или иных причин, должен быть готов выполнить повеление говорящего); во-вторых, исполнитель должен контролировать искомое действие.

Что же касается ограничений на лицо исполнителя, то, по нашему мнению, их не существует: исполнителем может быть агенс любого лица, не только второго. Также мы полагаем, что желание говорящего, чтобы действие было совершено, часто упоминающееся как необходимый компонент значения императива, является лишь распространенной импликацией этого значения и в некоторых ситуациях может отсутствовать.

2. Особым типом употребления императива является «императив предположения». Говорящий здесь предлагает слушающему предположить (представить себе), что некоторое событие имеет место; иными словами, говорящий каузирует это событие, но не в реальном мире, а в мире представлений слушающего. Это употребление основано на одном из типов каузатива, а именно на «декларативном» каузативе, означаемом 'считать, что Р', ср. арабское *kazaba* 'быть лжецом' → *kazzaba* (образованное по стандартной каузативной модели) 'считать кого-либо лжецом' [Недялков, Сильницкий 1969: 36]⁵.

Разумеется, говорящий не в силах контролировать представления о мире другого человека, поэтому императив предположения возможен лишь в некоторых типах ситуаций, в частности, в следующих:

— если реальные свойства объекта в данной ситуации не важны (например, *Пусть треугольник ABC — равносторонний*; не имеет значения, действительно ли равны стороны у нарисованного на доске треугольника);

— если говорящий эксплицитно соглашается с фактом, уже известным слушающему, ср.:

- (1) финский [ГФЯ 1958: 171]⁶
Ol-ko-on sovi-ttu tä-stä asia-sta
 быть-Imp.3-3Sg договориться-PartPf этот-El дело-El
 'Будем считать это дело согласованным'.

За таким эксплицитным согласием часто следует «но», т. е. признание малозначительности этого факта (*Пушкой кругом бардак — есть худшие напасти — Довлатов*).

— при повествовании, когда описываемые ситуации вообще не существуют в реальности, но только в воображении говорящего и слушающих, причем последние в этом отношении полностью зависят от первого. Ср. нганасанский пример:

- (2) нганасанский
Tə maa ɲuəl'ai? mianɲə-rɨ-tjə-gəj, maa kuni'a
 ну что один.раз одолеть-Pass-PartPraes-Du что как
mej-t'ə-ɲj-gəj? Kotu-ru-ɲai-ti.
 делать-Fut-Interr-3Du.s убить-Pass-Imp-3Du.r
 'Ну что же, если они один раз поддались, что они будут делать? Пусть будут убиты'.

⁵ Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А. А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969. С. 20—50.

⁶ Грамматика финского языка: Фонетика и морфология. М.; Л.: АН СССР, 1958.

Поскольку говорящий вводит Р не как реальный факт (в этом случае он просто употребил бы декларативное высказывание), но как элемент мира представлений, у императива предположения (как и в случае с декларативным каузативом и с его лексическими аналогами, типа русского *считать*), возникает естественная импликация: 'говорящий не считает Р истинным'.

Именно на семантике предположения основано, на наш взгляд, употребление императива в условных и уступительных конструкциях.

3. Известна проблема «частных интерпретаций значения повеления», т. е. приказов, просьб, советов и прочих разновидностей повеления. Могут ли эти различия грамматикализировываться? По нашим данным, в некоторых, хотя и немногих, языках существуют специализированные формы для выражения просьб, разрешений и инструкций (см. раздел 1.3). Случаи грамматикализации других типов повеления (таких, как советы, предложения и т. д.) нам неизвестны.

4. Отдельный интерес представляет отношение императива к двум другим основным типам речевых актов (ассертивным и интеррогативным). Для любых двух из этих трех типов можно найти признаки, по которым они сближаются друг с другом и противопоставляются третьему. Императивы противопоставлены двум другим типам по своему отношению к пропозиции: повелительное высказывание непосредственно влияет на смысл своей пропозиции; собственно (понимая под смыслом пропозиции тот факт, который она выражает), оно его создает. В отличие от него, асертивы и интеррогативы никак не затрагивают этого смысла, лишь «сообщая» о нем.

Наш материал показывает, что именно различие между повелительными высказываниями, с одной стороны, и утвердительными и вопросительными, с другой, оказывается существенным для большинства языков. Более 85 % языков имеют специализированную форму императива (хотя бы 2-го лица); в то же время форму интеррогатива, отличную от индикатива, имеют не более 20 % языков.

5. С темой речевых актов связана и проблема так называемых «императивных вопросов» типа *Когда мне приходится?*, *Что ему делать потом?* и т. д. Само их существование часто вызывает удивление, особенно по отношению к тем языкам, в которых такого рода фразы допускают употребление императивных глагольных форм: странным кажется наличие императивных форм в вопросительных предложениях. С нашей точки зрения, в таких конструкциях нет ничего необычного, поскольку императивные и интеррогативные маркеры относятся не к одному, а к разным высказываниям: это «вопросы о повелениях».

С точки зрения типологии интерес представляет то, какие языки допускают употребление императивных форм в вопросах, а какие — нет (к последним относится большинство европейских языков и, в частности, русский).

Второй раздел посвящен семантике отдельных лично-числовых форм императива. Представляется, что главное противопоставление между ними проходит по типу каузации — прямая, опосредованная либо комбинация этих двух типов. Формы 2Sg представляют собой наиболее чистый тип прямой каузации: говорящий каузирует совершить искомое действие слушающего, без каких-либо посредников. Формы 2Pl также могут означать прямую каузацию одновременно нескольких слушающих, однако прагматически более вероятна ситуация, когда слушающий только один, а повеление направлено не только на него, но и на третьих лиц. Формы «совместного действия» (т. е. 1Pl инклюзива) обязательно сочетают каузацию прямую (слушающего) с опосредованной, причем «третьим лицом» оказывается сам говорящий. Наконец, формы 3-го лица могут выражать только опосредованную каузацию⁷.

⁷ Здесь мы отвлекаемся от случая «непрямого» употребления лично-числовых форм, в частности, вежливого употребления форм 3-го лица.

На основании соотношения прямой и опосредованной каузации выстраивается следующая шкала:

$$2Sg < 2Pl < 1Pl < 3$$

Эта шкала, которую мы будем называть императивной иерархией, определяет устройство лично-числовых парадигм. Она же указывает на центральные и периферийные формы: как хорошо известно, чем выше в данной иерархии стоит форма, тем более характерны для нее любые особенности, связанные с императивом. Это верно и при сравнении языков (более центральные формы имеют специфически императивные особенности в большем числе языков), и внутри конкретного языка (если какая-либо из лично-числовых форм императива имеет ту или иную «императивную» особенность, то ее будут разделять все формы, стоящие выше нее в этой иерархии). Центральная форма императива — это, по всеобщему признанию, форма 2Sg.

В третьем разделе рассматриваются семантические подтипы императива. Объясняется понятие «нейтрального императива» — формы, выражающей значение повеления и не осложненной при этом никакими другими значениями (кроме, разумеется, лица и числа). Типологически нейтральный императив наиболее «императивен», т. е. демонстрирует наибольшее для данного языка количество чисто императивных явлений. Формы, выражающие императив в сочетании с каким-либо другим значением, называются «семантическими подтипами императива». На нашем материале выделяются следующие такого рода формы.

1. Прохибитив, т. е. сочетание императива и отрицания. Наиболее распространенный из семантических подтипов императива; в около 70 % языков выражается особым способом, не сводимым к сочетанию показателей императива и отрицания (например, в венгерском языке при императивах используется особое отрицание *ne*, ср. обычное *net*). При этом способы его выражения крайне разнообразны⁸.

2. Превентив, выражающий предупреждение о том, что может произойти некоторое нежелательное действие. Имеется, в частности, в русском языке, где выражается отрицанием с формами императива от глаголов СВ (*не простудись*)⁹. Встречается примерно в 10 % языков.

3. «Императив будущего времени» — традиционный термин для повеления, которое следует выполнить не сразу, но через какое-то время (ср. также более точный термин «отложенный императив»). Известен прежде всего из латинской грамматики (формы на *-to*, *-tote*), хотя, разумеется, распространен существенно шире (всего примерно в 15 % языков).

4. Императив немедленного действия — форма, антонимичная предыдущей и указывающая, напротив, на уменьшенную временную дистанцию. Единственный известный нам пример — из языка кева, где существует суффикс *-pe*, употребляющийся, насколько можно судить, только с императивом и указывающий на то, что действие надо выполнить немедленно [Franklin 1971: 39]¹⁰.

5. Императивы движения — формы, маркирующие тот факт, что совершение требуемого действия должно совершаться не там, где находится исполнитель, а в другом месте. Сами по себе глагольные формы, указывающие на движение, предшествующее выполнению действия (андативы и вентивы), хорошо извест-

⁸ См. недавнюю работу, посвященную типологии прохибитивов: *van der Auwera J., Lejeune L. The prohibitive // Dryer M. et al. (eds.). World Atlas of Linguistic Structures. Oxford: Oxford University Press, 2003.*

⁹ Типология превентива подробно рассматривается в работе: *Добрушина Н. П. Грамматические формы и конструкции со значением опасения // Вопросы языкознания (в печати).*

¹⁰ *Franklin K. J. A Grammar of Kewa, New Guinea. (Pacific Linguistics, Series C, 16). Canberra: Australian National University, 1971.*

ны, однако императив оказывается более чувствителен к движению, чем другие глагольные значения. В ряде языков (правда, не во многих — всего около 2-3 %) императив — единственная форма, маркирующая движение. При этом андатовные императивы (обозначающие движение от говорящего) встречаются чаще, чем вентивные (обозначающие движение к говорящему). Ср. пример из языка мутсун:

(3) мутсун [Okrand 1977: 237—241, 287]¹¹

а. <i>čitte-yis</i>	б. <i>ʔuttu-yis-yuʔ</i>
dance-Imp.And	put-Imp.And-Pl.Imp
‘go (sg.) to dance’	‘go (pl.) to put (it somewhere)!’

6. Императивы изменения действия: о делении прескрипций на сохраняющие («продолжай делать то, что ты делаешь») и изменяющие («начни / перестань делать») известно прежде всего из работы [Бирюлин 1990]¹². Около 7 % языков маркируют это противопоставление в глаголе — в частности, питьянтъяра различает все четыре возможных типа (‘начни делать P’, ‘продолжай делать P’, ‘перестань делать P’ и ‘продолжай не делать P’), ср.:

(4) питьянтъяра [Eckert, Hudson 1988: 211—217]¹³

а. <i>Nyangatja wanyu kati-Ø-Ø.</i>	—	<i>Wiya, nyuntu kati-ma-Ø!</i>
this.here	would.you	take-Imp-2Sg
	no	you.sg
		take-ImpCont-2Sg
‘Would you take this here! — No, you keep on carrying it.’		
б. <i>Ankunyitja wiya-pula.</i>		в. <i>Wangka-tjara!</i>
go	Neg-2/3Du	talk-Proh
‘Don’t go (du.)’	‘They (du.) didn’t go.’	‘Stop talking!’

7. Антериорный императив означает, что за искомым действием будет следовать какое-либо другое. Встречается редко (2 % языков в нашей выборке). Ср. пример из сантали: *rɔr-le-m* ‘расскажи (сперва)’ (подразумевается: а потом мы решим, что делать) [Neukom 2001: 147—148]¹⁴.

9—11. Проблема «вежливости/грубости», естественно, особенно актуальна в ситуации повеления; соответственно, и категория вежливости грамматикализуется в императивах существенно чаще, чем в других глагольных формах. Однако повелительные формы, называемые в описаниях «вежливыми», «некатегорическими» и «категорическими», представляют собой проблему. С одной стороны, противопоставления «вежливость/грубость» и «некатегоричность/категоричность», несомненно, — две независимые оппозиции; высказывание может быть в одно и то же время вежливым и категоричным или грубым, но некатегоричным (ср., например, предложение гостю *Я настаиваю, чтобы Вы отдохнули с дороги*). С другой стороны, естественно, что более категоричные высказывания/формы в большинстве ситуаций воспринимаются как более грубые, а менее категоричные — как более вежливые. Поэтому по материалам описаний не всегда легко оказывается их различить.

По нашим данным (за точность которых по указанной выше причине мы не можем ручаться), и некатегорические, и категорические, и вежливые специализированные формы императива представлены примерно в одинаковом количестве языков — 4—5 %. Отметим, что специализированные формы «грубого» императива очень редки. Это связано с тем, что сам по себе нейтральный императив часто воспринимается как невежливая форма (см. об этом раздел 2.2).

¹¹ Okrand M. Mutsun Grammar. Ph.D. dissertation. University of California, Berkeley. 1977.

¹² Бирюлин Л. А. Презумпции побуждения и прагматика императива // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 162—173.

¹³ Eckert P., Hudson J. Wangka Wiru: A Handbook for the Pitjantjajara Language Learner. Underdale, 1988.

¹⁴ Neukom L. Santali. (Languages of the World / Materials, 323). München: LINCOM Europa, 2001.

12. Также около 5 % языков имеют специализированные формы для выражения просьб. Опять же отметим, что просьба в большинстве случаев воспринимается как менее категорическое и, соответственно, более вежливое повеление; соответственно, эти значения также не всегда удается с уверенностью различить.

13. В отдельных языках имеется специализированные формы для выражения пермиссива (например, в нивхском [Груздева 1992: 57, 61]¹⁵).

14. Инструкции, под которыми мы здесь понимаем повеления, обращенные к неограниченному кругу исполнителей, во многих языках инструкции имеют некоторые формальные отличия от обычного (т. е. «определенно-личного») повеления; при этом нам неизвестны языки со специализированными формами для инструкций.

Самая распространенная особенность инструкций — в том, что для них используются наименее вежливые (часто — просто грубые) из существующих императивных форм. При этом использование их в инструкциях не создает ощущения невежливости. Так употребляются японские формы на *-э/-ро/-ё/-й* [Алпатов 1992: 78—79]¹⁶; так же употребляется и русский инфинитив (*Зверей не кормить*).

15. Пропозитивными императивами мы предлагаем называть конструкции со значением предложения, типа русских *Давай он тебе поможет*. Они также направлены на попытку каузации действия, и поэтому относятся к повелительным, но действие может совершиться только с согласия слушающего. Нам неизвестны специализированные формы с таким значением, однако известны специализированные конструкции (помимо русского, еще в некоторых языках). Поскольку исполнитель действия, согласия на которое говорящий просит у слушающего, может быть любого лица, пропозитивные конструкции не подчиняются обычной императивной иерархии; их парадигмы однородны и полны.

16. Наконец, десемантизированными императивами мы называем формы типа русских (изолированных) *давай* или *валяй*, английского *come on*, французского *vas-y* и т. д., — то есть формы, направленные на каузацию действия, но не называющие его (действие при этом должно быть ясно из контекста или ситуации). Такие формы — часто это идиоматизированные конструкции — как кажется, очень широко распространены.

Четвертый раздел первой главы посвящен неглагольным императивам. У существительных к императивам по семантике близок вокатив, что уже давно отмечалось исследователями¹⁷. У прилагательных в отдельных языках засвидетельствованы единичные формы со значением 'будь таким-то'. Часть речи, среди которой императивы наиболее распространены (не считая глаголов), — это междометия. Во всех, по-видимому, языках существуют междометия со значением привлечения внимания (ср. русское *эй!*), предложения взять что-либо (*на!*) и т. д. Интересно, что многие такие междометия могут обнаруживать глагольные свойства (например, *на!* допускает изменение по числу — *нате!*), образуя, таким образом, континуум между «чистым» междометием и несомненной глагольной формой.

ВТОРАЯ ГЛАВА посвящена особенностям образования и поведения конструкций и форм императива в целом, вне зависимости от лица-числа исполнителя.

В первом разделе излагается то, что известно про интонацию императивных высказываний. Часто для разных языков делается утверждение о нали-

¹⁵ Груздева Е. Ю. Повелительные предложения в нивхском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 55—63.

¹⁶ Алпатов В. М. Императив в современном японском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 77—88.

¹⁷ См. уже: Аксаков К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. Буслаява // Полн. собр. соч. Т. 2, ч. I: Сочинения филологические. М., 1875. С. 568.

чий в них особой императивной интонации; при этом сама эта особая интонация никак не описывается. Вероятно, это мнение имеет под собой какую-то основу; но оно не абсолютно верно — так, в русском языке нет интонационного контура, специфичного для императивных высказываний [Храковский, Володин 1986: 9, сн. 6]. Данные про интонацию есть у нас лишь для небольшого числа языков, но и они позволяют сделать некоторые выводы.

Во-первых, для императива характерна падающая интонация. Языки, в которых императив произносится с восходящей интонацией, находятся в меньшинстве (правда, не таком уж незначительном). При этом во всех известных нам языках императив по этому признаку противопоставлен вопросам: если императив имеет нисходящую интонацию, то вопросы — восходящую, и наоборот (впрочем, число известных нам языков второго типа слишком мало). И почти во всех языках императив совпадает по этому признаку с утвердительными высказываниями.

Во-вторых, императивные высказывания часто характеризуются большей разницей между самой высокой и самой низкой точками интонационного контура.

Второй раздел посвящен одной прагматической особенности употребления императива: во многих языках императив воспринимается как излишне грубая/категоричная форма, невозможная при обычном общении. Языки различаются по этому параметру; так, например, в русском повелительное наклонение возможно в любой ситуации; во многих европейских языках формы императива часто избегаются или сопровождаются смягчающими повеление частицами; в игбо императив, судя по описаниям, всегда ощущается как грубая форма [Green, Igwe 1963: 68—73]¹⁸.

Если в языке есть несколько форм императива, то самой грубой / категоричной в известных нам случаях оказывается морфологически самая простая и, по-видимому, этимологически императивная форма (остальные этимологически представляют собой формы других наклонений, изначально, по-видимому, употреблявшиеся вместо императива именно для того, чтобы избежать излишней категоричности). Аналогично при отрицании: если в языке есть две отрицательные частицы: специализированная прохибитивная и обычная, то конструкции с первой будут более категоричными.

В третьем разделе излагаются в общем известные факты об ограничениях на образование императива. Во-первых, оно обычно затруднено (а в отдельных языках — вообще запрещено) от пассивных основ. Во-вторых, императив, в силу требования контролируемости, часто не образуется от основ, обозначающих неконтролируемое действие, а также от стативных и модальных глаголов. В некоторых языках от таких глаголов вместо императивных используются формы конъюнктива.

В четвертом разделе рассматриваются случаи, когда показатели императива совпадают или восходят к глаголам движения либо частицам, указывающим направление движения. Например, в кхмерском две императивные частицы — *дау* и *чух* — имеют «омонимы», выражающие соответственно движение от говорящего и движение вниз [Спатарь 1992: 258, 260]¹⁹. Таких языков немного, однако связь императива с движением находит аналогии и в других явлениях: особых формах императивов движения (см. 1.3.6), использовании форм от глаголов движения в качестве десемантизированных императивов (см. 1.3.16), нерегулярных императивов от глаголов движения (см. 2.5), императивов IP1, образованных с помощью формы 'пойдем' (см. 3.2.1).

¹⁸ Green M. M., Igwe G. E. A Descriptive Grammar of Igbo. Berlin; London, 1963.

¹⁹ Спатарь Н. М. Повелительные конструкции в кхмерском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 255—262.

Пятый раздел посвящен нерегулярным, супплетивным и дефектным формам императива. Императив интересен тем, что имеет собственный список значений, которые чаще выражаются нерегулярными (в широком смысле) формами. В языках использованной в работе выборки нерегулярно в императиве выражаются следующие значения²⁰:

Значения	Собственно нерегулярные формы	Супплетивные формы	Дефектные формы	Всего	В %
'venio'	16	7	6	29	14,5
'eo'	6	3	2	11	5,5
'идти' ²¹	2	2		4	2
'давать'	2	1	5	8	4
'брат'	2		5	7	3,5
'принести'	4			4	2
'есть'	2	1	1	4	2
'смотреть'	4			4	2
'пойдем'	3	1	11	14	7

Отметим, в частности, отсутствие в этом списке глагола 'быть', который, как известно, чаще всего имеет нерегулярные формы. В императиве 2-го лица чаще всего нерегулярно выражается значение 'иди сюда'; с существенным отрывом за ним следуют следующие значения или группы значений: 'иди отсюда (от говорящего)', 'возьми' (включая 'ешь'), 'дай' и 'слушай, смотри' (т. е. формы привлечения внимания). В 1P1 единственным, зато очень частым значением, выражающимся нерегулярно, оказалось значение 'пойдем'.

Если верно, что нерегулярными бывают наиболее частотные формы, то оказывается, что типичными действиями, выполнения которых говорящий может потребовать от слушающего, являются: подойти, уйти, дать что-либо, взять что-либо, обратить внимание на говорящего или на какой-либо объект, указанный говорящим. Учитывая, что в прототипической ситуации говорящий и слушающий должны находиться вместе, приход собеседника равнозначен установлению контакта, а уход означает его прекращение. Получается, что нерегулярные императивы соответствуют самым элементарным типам взаимодействия между двумя людьми: это установление контакта (сюда же относятся формы привлечения внимания), прекращение контакта и передача некоторого объекта от слушающего говорящему или наоборот.

В шестом разделе рассматриваются случаи различного маркирования императива переходных и непереходных глаголов; ср., например, годоберинский: императив от непереходных глаголов образуется с суффиксом *-i b-it'-i* 'рвись', от переходных — с суффиксом *-a: susuk'-á* 'просеивай' [Kibrik et al. (eds.) 1996: 47—49, 106]²². Такие случаи засвидетельствованы только для эргативных языков, что объяснимо. С точки зрения номинативного языка, адресатом повеления всегда является один и тот же актанта — субъект, и переходные глаголы в этом смысле ничем не отличаются от непереходных. С «эргативной» же

²⁰ Мы включали сюда только те формы императива, которые были единственными нерегулярными в парадигме соответствующих глаголов или «более нерегулярными», чем формы прочих наклонений или времен (например, единственными супплетивными).

²¹ В значении 'идти' попали глаголы, которые не различают движение к и от говорящего. Сюда же могли попасть, вследствие недостатка имеющейся у нас информации, и глаголы, различающие направление движения.

²² Kibrik A. E. et al. (eds.). Godoberi. München: LINCOM Europa, 1996.

точки зрения же различие между ними оказывается фундаментальным: повеление направлено на разные актанты — на «абсолютив» в одном случае и на «эргатив» в другом. Образование императивных форм от переходных глаголов оказывается сходным с залоговым преобразованием: «главным» становится не тот актант, который нормально должен иметь этот статус (т. е. эргатив, а не абсолютив). Соотношение императивов от переходных и непереходных глаголов в эргативных языках в некоторой степени аналогично соотношению разных залоговых форм глагола.

Правда, при такой трактовке следовало бы ожидать, что императивы от непереходных глаголов будут чаще немаркированными, поскольку у непереходных глаголов не происходит того «залогового преобразования», которое имеет место у переходных. На самом деле это не всегда так; в эргативных языках представлены все три возможных типа соотношения форм императивов переходных и непереходных глаголов: они могут быть равномаркированными (т. е. оба ненулевыми), нулевыми могут быть императивы и от непереходных, и от переходных глаголов.

Седьмой раздел посвящен описанию употребления неспециализированных форм в императивном значении, без чего было бы неполным рассмотрение типологии императива. Основные закономерности такого употребления следующие.

Формы индикатива употребляются для выражения повеления чаще в верхней части императивной иерархии. Соответственно, именно индикативные формы обычно оказываются основным средством выражения императива в тех языках, в которых специализированных форм императива вообще нет. При этом чаще всего употребляется морфологически наименее маркированная форма, если таковая имеется, или будущее время; реже употребляется настоящее и еще реже — прошедшее.

Надежных примеров употребления косвенных наклонений в императивной функции слишком мало, чтобы делать определенные выводы; отметим, что в значении императива могут употребляться оптатив и дебитив, а также формы со значением потенциальности и неуверенности.

Из подчиненных форм личные (т. е. те, которые имеют показатель лица и числа субъекта; в первую очередь это конъюнктив) более характерны для нижней части императивной иерархии, хотя в некоторых языках в нейтральном императиве используются и в значении 2Р1, а в прохибитиве могут занимать вообще всю парадигму. Неличные же (инфинитивы, реже причастия), напротив, в известных нам случаях ограничены 2-м лицом и вообще в этой функции редки.

В восьмом разделе рассматривается известная проблема подлежащего при императиве. Распространена точка зрения, что субъектные именные группы при императиве обычно опускаются. В целом это действительно так, хотя мнение о принципиальной невозможности субъекта при императиве, безусловно, неверно. Типы соотношения индикатива и императива в отношении наличия/отсутствия субъекта можно свести в таблицу:

	в индикативе	в императиве
субъект	обязателен	факультативен
	обязателен	отсутствует
	факультативен	отсутствует

Существует, однако, еще один возможный тип соотношения индикатива и императива — когда местоимения факультативны и там, и там. В этом случае приходится сравнивать частотность. Например, в русском языке местоимение может быть опущено и при *(ты) идешь*, и при *(ты) иди*. Кажется, однако, что в первом случае местоимение опускается редко, а во втором — наоборот, почти всегда. Относительная частотность может быть определена только с помощью под-

счетов в текстах. Мы не располагаем результатами подобных подсчетов, однако несомненно, что к приведенной выше таблице можно добавить еще одну строку:

	в индикативе	в императиве
субъект	опускается редко	опускается часто

Именно последний тип выглядит наиболее распространенным.

Итак, в целом для верхней части императивной иерархии (формы 2Sg, 2Pl, 1Pl) действительно характерно отсутствие субъектных именных групп. В различных языках их частотность различна — от обязательного отсутствия до обязательного наличия. Можно предположить, что нет такого языка, в котором субъект в императиве выражался бы чаще, чем в индикативе. Вероятность того, что личное местоимение будет опущено, выше в 2Sg, чем в 2Pl; во 2-м лице в целом выше, чем в других лицах. Исключения из этой закономерности возможны тогда, когда сама глагольная форма не имеет особых показателей императива и отсутствие местоимения оказывается единственным отличием императива от другой формы (как в русской форме 1Pl императива *идем*).

Разумеется, все сказанное имеет непосредственное отношение и к проблеме нулевого личного показателя у императива 2Sg (см. 3.1.1). Отсутствие субъектного аффикса — характерный признак только формы 2Sg; субъектное же местоимение, будучи более самостоятельной единицей, может опускаться и при других императивных формах, и поэтому его опущение характерно для императива в целом.

Девятый раздел посвящен иерархии агентивности и связанной с этим проблеме выражения объекта при императиве. Иерархия «агентивности» является весьма популярным объектом исследования; речь идет об относительной способности различных местоимений и именных групп выступать в роли агенса или, наоборот, пациенса транзитивных конструкций. В общем виде эта иерархия выглядит так [Comrie 1978: 386]:

местоимения 1-го и 2-го лица > местоимения 3-го лица > люди >
другие одушевленные существа > неодушевленные предметы

В принципе устройство иерархии агентивности не вызывает разногласий, но относительное расположение отдельных ее членов стало поводом для дискуссий. Прежде всего, это касается местоимений 1-го и 2-го лица, т. е. говорящего и слушающего. Единства мнений на этот счет нет; большинство авторов предпочитают помещать 1-е и 2-е лица на одну ступень иерархии или прямо указывают на существование всех возможных типов их относительного ранжирования: $1 > 2$, $1 < 2$ и $1 = 2$.

Дискуссия, однако, велась исключительно на материале декларативных высказываний; между тем, ситуация повеления задает гораздо более однозначное распределение ролей ее участников. Как уже говорилось, говорящий в этом случае обязательно контролирует (или во всяком случае, считает, что контролирует) всю ситуацию целиком; таким образом, «верховный» контроль над ситуацией принадлежит именно ему. Далее, потенциальный исполнитель должен контролировать искомое действие: как хорошо известно, нельзя приказать сделать то, над чем у исполнителя нет власти. В случае императива 3-го лица слушающий также должен обладать контролем над потенциальным исполнителем. Неодушевленные предметы в нормальной ситуации не могут быть исполнителями искомого действия (именно потому, что они не обладают контролем над ситуацией).

Императивы 2-го и 3-го лиц устроены в этом отношении достаточно просто. Сложнее ситуация с императивом «совместного действия», т. е. формами 1Pl. Данные некоторых языков показывают, что «говорящий + слушающий» расположены на этой шкале ниже, чем просто слушающий.

Окончательная шкала агентивности в императивных конструкциях выглядит следующим образом:

говорящий-каузатор > слушающий > говорящий-субъект + слушающий >
другие люди > неодушевленные предметы

Исходя из этого, можно ожидать, что:

а) в конструкциях, где распределение субъекта и объекта следует данной иерархии, объект может специально не обозначаться;

б) конструкции, где распределение субъекта и объекта нарушает данную иерархию, будут требовать какого-либо особого маркирования.

Эти предположения действительно оправдываются. В ряде языков прямой объект при императиве 2-го лица обязательно ставится не в аккумулятиве, а в номинативе; ср., например, мутсун:

(5) мутсун [Okrand 1977: 148, 151]²³

а. *ʔamma-yut to·ʔe-Ø*
есть-Imp.2Pl мясо-Nom
'Eat (pl.) the meat!'

б. *ka·n makam-se ʔa·kampi to·ʔe-se*
я вы-Obj принести мясо-Obj
'I bring you (pl.) meat'

Ожидаемым образом, в известных нам языках это правило не действует, если объект выражен местоимением 1-го лица (т. е. выше на шкале агентивности, чем субъект). В случае местоименного объекта 3-го лица стратегия различается по языкам.

При императивах 1Pl оформление прямого объекта также различается: некоторые из языков, которые требуют номинативного прямого объекта при императиве 2-го лица, оформляют его аккумулятивом при императиве 1Pl (в частности, упомянутый выше мутсун). Другие — как, например, самодийские — и в этом случае ставят его в номинативе.

Языки с номинативным прямым объектом при императивах 3-го лица нам неизвестны.

Второе предположение — о том, что «неестественный» прямой объект может требовать специальной маркировки, — также оправдывается. В ряде языков объект 1-го лица требует особого показателя императива в глаголе. В частности, в уже упоминавшемся языке мутсун при объекте 1-го лица императив имеет показатели *-t* (2Sg) и *-m* (2Pl); обычные показатели императива 2-го лица — *-y* и *-yut*. В общем случае, однако, нулевое маркирование «естественного» объекта и особое маркирование «неестественного» объекта не обязательно одновременно присутствуют в языке.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ рассматриваются особенности отдельных лично-числовых форм императива.

Первый раздел посвящен формам 2-го лица. Для образования форм 2Sg и 2Pl используются в общем одни и те же средства, поэтому их удобно рассматривать вместе. Эти средства, однако, в ед. и мн. ч. сильно различаются по своей частотности.

1. Хрестоматийной особенностью форм 2Sg императива и, по-видимому, самой известной особенностью императива в целом является совпадение 2Sg с основой глагола (см., например, [Greenberg 1966: 37, 44, 46—47])²⁴. Даже если исключить изолирующие языки (где все формы глагола совпадают с основой), до-

²³ Okrand M. Mutsun Grammar. Ph.D. dissertation. University of California, Berkeley. 1977.

²⁴ Greenberg J. H. Language Universals. The Hague; Paris: Mouton & Co., 1966.

ля языков, в которых 2Sg противопоставлено прочим императивным формам как «нулевая» форма по крайней мере у большинства глаголов, остается достаточно высокой — около 35 %.

Для форм 2P1, напротив, нулевая морфология не очень характерна. В главе II мы видели, что для 2P1 менее типично, чем для 2Sg, но все-таки достаточно частотно опущение субъектных местоимений. Субъектные же аффиксы в 2P1 опускаются довольно редко, и прежде всего в тех языках, где лицо и число выражаются не кумулятивно (что само по себе довольно редко). Ср., например, арабский:

- (6) марокканский арабский [Caubet 1993: 33]²⁵
<i>kātb-u</i>	ср. <i>ka-t-kātb-u</i>
писать-PI	Impf-2-писать-PI
‘пишите’	‘вы пишете’

2. В нескольких языках — всего в трех, но никак не связанных ни генетически, ни ареально — наблюдается необычное явление: совпадение показателей 2-го лица императива и 3-го лица индикатива (или одного из его времен). Ср. суффиксы языка паама:

- (7) паама [Crowley 1982: 129—130, 133]²⁶

		ед. ч.	дв. ч.	паук. ч.	мн. ч.
императив	2-е лицо	∅-	<i>lu-</i>	<i>telu-</i>	<i>alu-</i>
прочие	3-е лицо	∅-	<i>lu-</i>	<i>telu-</i>	<i>a-</i>
наклонения	2-е лицо	<i>ko-</i>	<i>mulu-</i>	<i>mutu-</i>	<i>tu-</i>

Здесь совпадают показатели всех чисел (в паама — кроме множественного, но в других языках и множественного тоже). Это заставляет по-другому посмотреть на более известные случаи, когда совпадают только нулевые показатели 2Sg императива и 3Sg индикатива (как в романских языках, ср. португальское *fala* ‘говори!’ либо ‘говорит’). Вероятно, следует считать, что субъект императива трактуется здесь, так сказать, не по «абсолютному» значению (слушающий, или адресат), а по «относительному»: самый естественный, наименее маркированный.

3. Следующий по частотности после нулевого способ выражения 2Sg — это особый показатель, не нулевой, но отличный от индикативного; ср. нганасанский показатель 2Sg субъектного спряжения императива -² и прочих наклонений -*ŋ*. Такой способ используется примерно в 25 % языков (правда, в некоторых из них — наряду с нулевым). Разумеется, рассматривавшиеся выше нулевые показатели также были уникальными для 2Sg в соответствующих языках; таким образом, общая доля языков со специализированными показателями 2Sg в императиве достигает 60 %.

В 2P1 особые аффиксы встречаются несколько реже, чем в 2Sg, — в 40 языках (20 %). Иногда эти показатели имеют очевидную этимологию — например, восходят к именным суффиксам множественного числа или к субъектным местоимениям 2P1. Чаще, однако, они совершенно уникальны для данного языка, т. е. не встречаются ни в качестве маркера 2P1, ни хотя бы в качестве показателя просто множественного числа глаголов или имен.

4. Еще один способ выражения 2-го лица императива — обычный показатель 2-го лица. Императив при этом выражается каким-то другим показателем; таким образом, хотя значение лица и числа выражается стандартно, форма в целом опознается как императивная. К этому же типу можно отнести языки, в которых при сохранении обычного показателя 2Sg в глаголе в императиве опускается личное местоимение. Для 2Sg сохранение в императивной глагольной форме

²⁵ Caubet D. L'arabe marocain. Paris; Louvain: Peeters, 1993.

²⁶ Crowley T. The Paamese language of Vanuatu. (Pacific Linguistics, Series B, 87). Canberra: ANU Dept. of Linguistics — Research Unit of Pacific Studies, 1982.

стандартного показателя — относительно редкое явление; оно встречается менее, чем в 5 % языков. Напротив, для формы 2P1 это наиболее распространенная модель — более 40 % языков. Стандартный аффикс 2P1 прибавляется обычно к основе императива 2Sg. Ровно так устроен и русский императив: к императивной основе, она же форма 2Sg императива, добавляется обычный суффикс 2P1 *-те* (*иди* — *идите*, *дай* — *дайте* и т. д.).

5. В отдельных языках во 2-м лице императива наблюдается больше или меньше числовых противопоставлений, чем в не-императиве. Таких случаев мало, и четких закономерностей установить не удастся. В целом, примеров различия числа в императиве несколько больше.

6. Наконец, в нескольких языках в императиве используются особые субъектные местоимения, как, например, в сонгай: обычное местоимение 2P1 *war* vs. императивное *wa / wo* [Heath 1999: 212—214]²⁷.

Второй раздел посвящен формам императива 1P1.

1. Примерно в половине языков нашей выборки формы 1P1 образуются «ожидаемым» образом, т. е. они однородны с другими лично-числовыми формами императива (см. главу IV). Сюда же входят и те случаи, когда 1P1 наряду с другими лично-числовыми комбинациями императива выражается неспециализированными формами (как, например, в языках банту или в романских, где для выражения 1P1 и 3-го лица императива используется конъюнктив). Еще около 18 % языков используют для 1P1 императива неспециализированную форму, которая при этом не однородна ни с одной другой формой императива (как, например, в латышском, где в этой функции употребляется будущее время, а другие лично-числовые комбинации императива выражаются настоящим временем). Наконец, около 20 % языков используют в 1P1 императива особые показатели, не совпадающие и не однородные с теми, которые употребляются в других формах императива или в формах 1P1 других наклонений.

Конечно, в большинстве случаев происхождение специализированных показателей остается неизвестной. Однако даже на небольшом количестве известного материала прослеживаются некоторые тенденции. Один из распространенных способов — это прибавление показателя, который может употребляться сам по себе, означая 'пойдем!'. Таким образом, вся конструкция, означающая 'давай сделаем', имеет внутреннюю форму «пойдем делать». Другой возможный источник форм 1P1 императива — это каузативные конструкции типа английской (*let us > let's*).

Отметим еще тот факт, что во многих языках формы 1P1 императива включают в себя показатель 2P1 (что связано с инклюзивной по преимуществу семантикой этих форм, см. ниже). Мы здесь имеем в виду формы типа русского *пойдемте*. Эта форма из-за наличия в ней двух на первый взгляд несовместимых окончаний давно вызывала удивление, однако типологически она далеко не уникальна: подобные формы есть в осетинском языке, во многих языках Африки и др.

2. Характерным явлением для 1P1 императива является возникновение оппозиции по инклюзивности. Формы «совместного действия» в силу своего значения инклюзивны, поскольку они всегда подразумевают участие слушающего. Соответственно, для императива в гораздо большей степени, чем для других наклонений, оказывается существенным противопоставление инклюзивных и эксклюзивных употреблений, причем первые оказываются намного более естественными.

В ряде языков эксклюзивное употребление формы 1P1 императива вообще невозможно. Особенно выразительны примеры тех языков, в которых 1P1 императива внешне совпадает с аналогичной формой какого-либо другого наклоне-

²⁷ Heath J. A Grammar of Koyraboro (Koroboro) Senni: The Songhay of Gao, Mali. (Westafrikatische Studien, 19). Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1999.

ния. Так, в испанском 1Pl императива для большинства глаголов совпадает с 1Pl конъюнктива; при этом в конъюнктиве эксклюзивные употребления этой формы возможны, а в императиве — нет, ср.:

(8) испанский

- а. **Hagamos la comida y tú, mientras, descansa un poco.*
 делать.Imp.1Pl ArtDef еда а ты пока отдохнуть.Imp.2Sg немного
 ‘Давай (мы с тобой) приготовим еду, а ты пока немного отдохни’.
- б. *Nadie se cree que hagamos la comida mientras tú descansas.*
 никто верить.Praes.3Sg что делать.Conj.1Pl ArtDef еда пока
 ты отдыхать.Praes.2Sg
 ‘Никто не верит, что мы приготовим еду, пока ты отдыхаешь’.

Формально по-другому, но по существу так же устроен императив в негидальском языке. Негидальские личные местоимения и глагол везде, кроме императива различают инклюзивные и эксклюзивные формы; в императиве же существует лишь одна форма — инклюзивная [Цинциус 1997: 198]²⁸.

В некоторых языках только императив различает эксклюзивные и инклюзивные формы; прочие наклонения имеют лишь одну форму 1Pl; таковы, в частности, хакасский и западногренландский.

Наконец, существуют языки, в которых форма императива 1Pl одна и, как и в индикативе, может употребляться и эксклюзивно, и инклюзивно; таковы, например, нганасанский и чувашский. Однако языков этого типа немного. Самым распространенным кажется первый тип, т. е. языки, в которых форма императива 1Pl одна и может употребляться только инклюзивно.

3. Отмеченная в предыдущем пункте особая «чувствительность» императива к инклюзивной семантике имеет свое продолжение в том факте, что формы 1Pl императива часто развивают противопоставление «минимального» (‘я + ты’) vs. «расширенного» (‘я + вы’) инклюзива. Частично это противопоставление грамматикализовано в русском языке благодаря формам типа *пойдемте*, которые возможны только если говорящий обращается к нескольким собеседникам (или к одному вежливо, что также предполагает множественное число). Правда, противопоставленные им формы типа *пойдем* в принципе возможны при любом числе собеседников, однако, благодаря наличию форм первого типа, они часто осознаются как обращенные именно к одному человеку.

Если в русском языке различение минимального и расширенного инклюзива необязательно, то в других языках это противопоставление может быть грамматикализовано более полно, ср.:

(9) догон [Плунгян 1990: 37]²⁹

<i>ya-tò</i>	vs.	<i>ya-tèŋ</i>
идти-Imp.1Pl.min		идти-Imp.1Pl.augm
‘давай пойдем’		‘давайте пойдем’

В третьем разделе рассматриваются явления, характерные для форм 3-го лица императива в тех 70 % языков, для которых у нас есть информация об этих формах.

1. Одна из относительно распространенных стратегий образования форм 3-го лица — с помощью показателя, восходящего к маркеру каузатива, ср. русское *пусть*, английское *let* и др. Интересно, что во всех известных нам случаях для

²⁸ Цинциус В. И. Негидальский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 188—201.

²⁹ Плунгян В. А. Материалы к описанию императива в языке догон // Бирюлин Л. А., Храковский В. С. (ред.) Функционально-типологические аспекты анализа императива. Т. 1. М., 1990. С. 36—40.

образования форм 3-го лица используется глагол пермиссивной, а не фактитивной каузации (ср. хотя бы русское *пустить*). В ряде случаев конструкции каузативного типа используются также в 1P1 (как в английском), в остальных они специфичны для 3-го лица (например, в армянском).

2. Поскольку в наиболее типичной ситуации, описываемой императивом 3-го лица, слушающий должен просто передать исполнителю повеление говорящего, в функции императивов 3-го лица могут грамматикализироваться конструкции вида «скажи, чтобы он сделал Р». Именно так образуются данные формы, например, в арчинском языке:

(10) арчинский [Кибрик и др. 1977, II: 220, 224—225]³⁰

gidib nok'-a-ši be-r-qla-r ba.
 тот.Р1 дом-In-All III-Dug-идти-Р1 сказать.Imp2Sg
 'Они домой пусть идут'.

3. Как было сказано в разделе 1.2, в 3-м лице число исполнителей никак не влияет на семантику императива. Поэтому числовые формы 3-го лица, по видимому, никогда не бывают формально неоднородными. Более того, в некоторых языках императив 3-го лица вообще не различает чисел, хотя в других наклонениях глагол в 3-м лице согласуется по числу со своим субъектом; ср., например, дани:

(11) дани [Bromley 1981: 192]

а.	<i>wa-the</i>	vs.	<i>wa-tha</i>
	'he hit, killed him (not himself)'		'they hit, killed him'
б.	<i>wa'-nek</i>		
	'let him/them kill him now' (простой императив)		
в.	<i>wa-suwak</i>		
	'let him/them kill him later' (императив будущего времени)		

4. Интерес представляют случаи, когда исполнение действия требуется не от всех слушающих, но только от их части. Одни языки используют в этих случаях императив 2-го лица, другие — императив 3-го лица. К первым относятся, например, английский и немецкий, а также багвалинский; ко вторым — русский, французский, нганасанский и иврит; ср.:

(12) английский [Акимова 1992: 191]

Stand up the boy who did it.
Пусть встанет мальчик, который сделал это.

(13) французский

*Les Allemands attaqueront sans doute encore. **Que chacun travaille et veille pour obtenir le même succès qu'hier.***
 'Немцы, вероятно, снова будут атаковать. **Пусть каждый трудится и будет начеку**, чтобы достичь такого же успеха, как вчера'.

Как известно, «для императивных парадигм в целом не характерна морфологическая однородность их форм» [Бирюлин, Храковский 1992: 29]³¹. Различным типам лично-числовых парадигм императива посвящена ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА диссертации.

В первом разделе рассматривается понятие морфологической неоднородности. Это понятие не вполне строгое, однако, как кажется, интуитивно

³⁰ Кибрик А. Е. и др. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. I—III. (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики; Серия монографий, 11). М.: МГУ, 1977.

³¹ Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5—49.

понятное. Под неоднородностью (в случае императива) мы понимаем следующее: две формы считаются формально неоднородными, если они различаются сильнее, чем соответствующие две формы в не-императивной парадигме. Ср. для примера парадигмы настоящего времени и императива во французском языке:

(14) французский	
а.	<i>je marche-∅</i> <i>nous march-ons</i>
	<i>tu marche-s</i> <i>vous march-ez</i>
	<i>il marche-∅</i> <i>ils march-ent</i>
б.	<i>que je marche-∅</i> <i>march-ons</i>
	<i>marche-∅</i> <i>march-ez</i>
	<i>qu'il marche-∅</i> <i>qu'ils march-ent</i>

Как видно, все простые формы настоящего времени строятся по одной и той же схеме: «личное местоимение + основа + окончание». В императиве же видны две различные схемы: «основа + окончание» во 2-м лице и в 1Pl; «*que* + личное местоимение + основа + окончание» в прочих формах. Поэтому мы считаем, что парадигма императива во французском языке формально неоднородна и распадается на две части: 2Sg, 2Pl, 1Pl vs. 1Sg, 3Sg, 3Pl. Множества форм, однородных между собой, можно называть подпарадигмами.

Во втором разделе приводится собственно классификация императивных парадигм. При этом мы не учитываем формы 1Sg из-за недостатка информации о них.

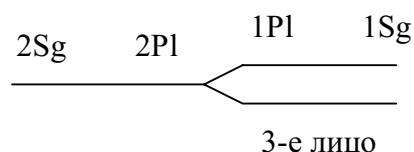
Каждый тип парадигмы обозначается римской цифрой и при необходимости буквой; цифра при этом соответствует числу подпарадигм, на которые делится данная парадигма. Так, например, полные однородные парадигмы относятся к типу I; французская парадигма, приведенная выше, получает индекс Пв и т. д. Максимальное число подпарадигм — четыре, поскольку числовые формы 3-го лица не бывают неоднородными и также не бывают неоднородными формы множественного, двойственного и других чисел одного лица. При этом на четыре подпарадигмы парадигма может делиться только одним способом.

Помимо типов I (полная однородная) и IV (максимально неоднородная), существуют следующие типы императивных парадигм:

- Па — 2Sg vs. все остальные формы;
- Пб — 2-е лицо vs. 1Pl и 3-е лицо (+ 1Sg);
- Пв — 2-е лицо + 1Pl vs. 3-е лицо (+ 1Sg);
- Пг — 2-е и 3-е лица vs. 1Pl (+ 1Sg);
- Ша — 2Sg vs. 2Pl vs. 1Pl и 3-е лицо (+ 1Sg);
- Шб — 2Sg vs. 2Pl + 1Pl vs. 3 (+ 1Sg);
- Шв — 2-е лицо vs. 1Pl vs. 3-е лицо (при учете формы 1Sg эта парадигма распадется на две в зависимости от того, будет ли она однородна с 1Pl или с 3-м лицом; оба варианта возможны)
- Шг — 2Sg vs. 2Pl + 3 vs. 1Pl (теоретически возможная парадигма, однако ни одного примера этого типа мы не знаем).

В третьем разделе суммируются некоторые наблюдения относительно принципов устройства императивных парадигм.

Во-первых, мы видим, что их устройство подчиняется императивной иерархии (см. пункт 1.2.6 диссертации), за исключением возможного объединения форм 1Pl и 1Sg. Разумеется, объяснить объединение форм 1Sg и 1Pl в одну подпарадигму легко — по признаку участия говорящего. С учетом этого факта, императивная иерархия более точно должна быть представлена в несколько более сложном виде:

(ср. сходную конструкцию в [ван дер Аувера и др. 2004: 50]³².

Во-вторых, любопытны данные о частотности разных типов парадигм. Наиболее частотными (без учета возможной формы 1Sg) оказываются следующие типы:

I	(однородная парадигма)	— около 20 %
IIб	(2-е лицо vs. 1 и 3-е лица)	— около 36 %
IIIв	(2-е лицо vs. 3-е лицо vs. 1-е лицо)	— около 27 %

Следующий по частотности тип, IIв (2-е лицо + 1Pl vs. 3-е лицо), встречается не более, чем в 6% языков, остальные типы представлены отдельными языками.

Мы видим, во-первых, что доминирующим принципом устройства парадигм является противопоставление по лицам. Проведение формальных различий внутри одного лица хотя и возможно (типы IIа, IIIа, IIб и IV), но «непопулярно».

Далее, можно отметить, что если разные лица объединяются в одну подпарадигму, то обычно при этом 2-е лицо противопоставляется 1-му и 3-му. Иные варианты объединения (2-е и 1-е vs. 3-е или 2-е и 3-е vs. 1-е) возможны, но относительно редки.

И последнее наблюдение: мы видим, что доля полных однородных парадигм императива достаточно высока — около 20%. Это еще один аргумент в пользу объединения всех рассматриваемых лично-числовых комбинаций в одну грамматическую категорию; для тех, кто считает разные лица императива разными семантическими категориями, полные однородные парадигмы в 20% языков должны представлять серьезную проблему.

И наконец, укажем на одну закономерность, которая, как кажется, может претендовать на статус универсалии: ни одна парадигма в языке не может быть более неоднородной, чем парадигма нейтрального императива.

ПЯТАЯ ГЛАВА посвящена некоторым непрямым употреблением императивных форм.

В первом разделе рассматриваются оптативные употребления императива. Оптативом мы называем значение, состоящее из следующих двух компонентов: (а) 'говорящий хочет, чтобы совершилось P' и (б) 'говорящий не контролирует P'.

Сравним теперь значения императива и оптатива, как они были сформулированы выше:

Императив	Оптатив
говорящий своим высказыванием пытается каузировать действие P (говорящий стремится к P — импликация)	говорящий хочет P говорящий не контролирует P
говорящий контролирует P	

Выше было сказано, что контроль говорящего над P является необходимым условием успешности повелительного высказывания; если контроль отсутствует, то попытка каузации P автоматически исключается. Таким образом, мы ви-

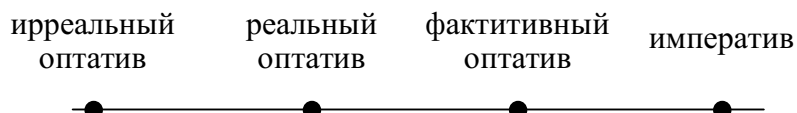
³² ван дер Аувера Й. и др. Семантическая карта императива/гортатива // Володин А. П. (ред.). Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 36—60.

дим, что значения императива и оптатива фактически распределены по типам ситуаций: если говорящий контролирует Р, то возможен только императив, в противном случае — только оптатив. Такое дополнительное распределение и дает возможность использовать для двух этих значений одну и ту же форму, ср. русские примеры с императивным маркером *пусть*:

(15) *Пусть всегда будет солнце.*

(16) *Пусть бы он сегодня пришел пораньше.*

Три разновидности оптатива (ирреальный, реальный и фактитивный³³) по своей близости к императиву и возможности совмещаться с ним в одной форме образуют шкалу:

Во втором разделе рассматриваются употребления формы 1Sg императива в значении намерения. Сравним значения императива и намерения аналогично тому, как это было сделано в применении к оптативу:

Императив	Намерение
говорящий своим высказыванием пытается каузировать действие Р	говорящий стремится к Р говорящий контролирует Р
говорящий стремится к Р	
говорящий контролирует Р	

Если согласиться с тем, что прямая каузация «самого себя» невозможна, то вне контекста непрямой каузации из значения словоформы первого лица ед. ч. императива автоматически исключается первый компонент. То, что остается — это и есть намерение. Как и в случае с оптативом, намерение и императив оказываются в дополнительном распределении в зависимости от ситуации, что и дает возможность использовать для них одну и ту же форму, ср.:

(17) нивхский [Груздева 1992: 57]

а. *Уурут ви-ныкта!*

вместе **идти-Imp.1**

‘Все вместе пойдете!’

б. *Ра-ныкта!*

пить-Imp.1

‘Выпью!’

Третий раздел посвящен употреблению императивных формы в значении долженствования и возможности, ср. русские примеры:

(18) долженствование

а. *Судьба милиционерская — ругайся целый день. Хоть гордая, хоть дерзкая — ругайся целый день* (Галич).

б. *Хоть сейчас лети до Ашхабада* (Высоцкий).

Мы опираемся здесь на толкования: *X должен Р* = существует ситуация, которая является достаточным условием наступления Р³⁴ и *X может Р* = ‘соблюдено одно из условий, необходимых для наступления Р’.

Как видно, императив оказывается частным случаем долженствования или (в случае разрешения) возможности (а точнее, частным случаем каузации): обстоятельством, достаточным (необходимым) для наступления Р является воля гово-

³³ Под фактитивным оптативом понимаются различного рода пожелания; см. об этом: Добрушина Н. Р. К типологии оптатива // Плунгян В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 7—27.

³⁴ См.: Филипенко М. В. О семантике слова *должен* // НТИ, серия 2, № 9, 1991. С. 29—33.

рящего. Употребление императива в значении долженствования/возможности оказывается, таким образом, просто расширением его значения: достаточным/необходимым для наступления Р условием может быть не обязательно воля говорящего, но любое другое обстоятельство.

В четвертом разделе рассматривается полисемия императивных форм не в независимых, а в придаточных предложениях. Под императивными мы здесь понимаем те формы или конструкции, которые употребляются для передачи повеления в не прямой речи, типа *Я сказал, чтобы он пришел*. Во многих языках те же самые конструкции или формы употребляются и в еще одном значении — целевом, ср.:

(19) *Я сказал, чтобы он побыстрее ушел.*

(20) *Я не стал спорить, чтобы он побыстрее ушел.*

В обоих этих типах предложений в главной части называется действие, которое совершается с целью каузации другого действия, названного в придаточной части. Если действием, названным в главной части, был повелительный речевой акт, то перед нами — не прямое повеление; если это было любое другое действие, то перед нами — целевая конструкция. Императив, как уже отмечалось выше, снова оказывается частным случаем каузации. Поэтому неудивительно, что для не прямого повеления используются те же конструкции, что и для придаточных предложений цели.

Основные положения работы отражены в **заключении** и в следующих **публикациях**:

1) Императив и смежные значения // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 173—206. 1,7 а. л.

2) Императив и иные значения: случаи нетривиального взаимодействия // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, 22—24.09.2003. СПб., 2003. С. 46—51. 0,2 а. л.

3) Неспециализированные глагольные формы в функции императива // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. III: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 385-413. 1,4 а. л.

4) Типология нерегулярных императивных форм // Вопросы языкознания. 2005. № 2. С. 65-81. 1,4 а. л.